

ИРИНА АЛЕКСЕЕВА

Путь в журналистику, тем более журналистику расследовательскую, оказался для Ирины Алексеевой таким же долгим и сложным, как и путь из Казахстана, где она прожила почти всю сознательную жизнь, в Россию. Публикации на страницах областных, позже российских газет, участие и победы в некоторых журналистских конкурсах были своеобразными маяками, которые показывали, что путь в принципе выбран верный.

Живет и работает в Иркутске. Корреспондент областного еженедельника «Копейка».

* * *

Решением жюри конкурса на премию Артема Боровика **Алексеевой Ирине Викторовне** присуждается диплом Артема Боровика «Честь. Мужество. Мастерство» за очерк «Матёра

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
имени Артема БОРОВИКА

РАССЛЕДУЮТ ЖУРНАЛИСТЫ

по-Богучански», опубликованный сначала в газете «Копейка», а затем в журнале «Сибирь», г. Иркутск.

копейка

«МАТЁРА» ПО-БОГУЧАНСКИ

Каждый поступок, каждое слово, брошенное в этот вечно живущий и вечно творящий мир, — это семя, которое не может умереть, говорил в середине позапрошлого века английский историк и публицист Карлейль. Семена поступков и слов, посеянные в следующем, двадцатом, веке давно плодоносят. Немало всходов хорошо видны здесь, в Восточной Сибири, вблизи Байкала, по берегам питающих его рек и речушек. Иркутская область занимает, как известно, почти пять процентов территории России. Здесь, на площади около 770 тысяч квадратных километров, свободно могли бы разместиться Италия, Дания, Бельгия, Великобритания, Португалия и Голландия вместе взятые, читаем в государственном докладе Главного управления природных ресурсов и охраны окружающей среды по Иркутской области.

Уникальность физико-географической характеристики области бесспорна. Это один из немногих регионов России, где имеются все виды топливно-энергетических ресурсов: более 7 процентов общероссийских запасов угля, столько же нефти и горючего газа, 10 процентов гидроэнергоресурсов и огромные, более 9 миллиардов кубометров — древесины. С таким богатством могли бы жить не тужить десятки поколений сибиряков.

Перечень богатств края не ограничен топливно-энергетическими благами. Общероссийское значение имеет солидный ряд ископаемых ресурсов: золото, слюда, магнезит, тальк, калийная и поваренная соли, редкие и цветные металлы — литий, ниобий, тантал, бериллий, цезий, рубидий. Большую группу составляют полезные ископаемые — сырье для строительной промышленности (гипс, мрамор, гранит, глины, песчано-гравийные материалы). В пределах области высока вероятность открытия промышленных месторождений алмазов, считают ученые. Собственно, о том же писал направлявшийся в сибирскую ссылку Радищев: «Как богата Сибирь своими природными дарами! Какой это мощный край! Нужны еще века: но, как только она будет заселена, ей предстоит сыграть великую роль в летописях мира».

Но ни золото с предполагаемыми алмазами, ни прочие спрятанные в земле сокровища не манят и не притягивают так, как

огромные водные ресурсы. В южной, особенно богатой ими части нашей области находятся озеро Байкал и река Ангара. Что они значат не только для региона, страны, но и мира в целом написан океан статей и море книг, еще больше произнесено речей. Немалая их часть посвящена строительству Байкальского целлюлозно-бумажного комбината и гидроэлектростанций на Ангаре.

Карта Иркутской области пронизана синими жилками: здесь протекает около 65 тысяч водотоков общей протяженностью свыше 300 тысяч километров. Большинство (93 процента)— небольшие речушки с площадью бассейна не более 200 квадратных километров. «Величественное озеро Байкал — внутреннее море Азиатского материка — драгоценная жемчужина нашей планеты» (академик А.П. Окладников) хранит 25,3 процента объема пресных озерных вод Земли.

«В буднях великих строек, в веселом грохоте, огнях и звонах» казалось: нет и не может быть никаких преград бесстрашным покорителям природы. Чтобы построить новые города, заводы и фабрики, нужно освоить веками дремавшие родные пространства, леса, степи, осушить болота, повернуть реки. Громадые планы воодушевляло, подвиги строителей коммунизма — покорителей природы «отражались», «воспевались». Талант советских художников, поэтов, композиторов был необходимым идеологическим подспорьем и тоже не оставался без наград.

Впрочем, вокруг некоторых «проектов века» было немало яростных споров и высоких ведомственных дискуссий. Вопреки здравому смыслу, точному научному расчету и к тому же незаконно (утверждение проекта БЦБК состоялось гораздо позже выпуска продукции), сорок лет назад был построен целлюлозно-бумажный комбинат на Байкале. Он породил тонны бумаг на представительских министерских совещаниях и кроме всевозможных решений, постановлений, концепций, кроме сотен тысяч человеко-часов и человеко-идей успел все же сбросить в священный Байкал тонны отходов.

«Как и в предыдущие годы, (до 2001—2002 гг. — *Авт.*) наблюдалось нарушение качества воды в контрольном створе, — читаем в государственном докладе Главного управления природных ресурсов по Иркутской области. — Максимальные концентрации превышали норму по взвешенным веществам в 1,4 раза, сульфатам — в 1,3 раза, хлоридам — в 1,8, фенолам — в 3 раза». А в таблице, что здесь же наглядно подтверждает сказанное, отмечено еще и превышение сбросов по нефтепродуктам, лигнину, сульфатному мылу, скипидару, алюминию... На прилегающей к озеру акватории зарегистрирована максимальная концентрация нефтепродуктов (до 2,2 ПДК), серы несulfатной (10,9 ПДК),

ртути (до 2,2 ПДК). И нисколько, по-моему, не легче, что уменьшилось количество сброшенных в Байкал сточных вод (миллионов кубометров, между прочим). Что меньше стало в великом озере хлороформа, формальдегида, метанола, нитратов, сульфатов, фенолов, фурфурола и бог знает чего еще. Трагедия великого озера от плюс-минус миллион кубометров заразы не стала меньше. Рыба не читает бумаг о «совершенствовании лучших в мире очистных сооружений», омуль, хариус, осетр и сиг неграмотны. Они просто погибли, деревья, травы вокруг БЦБК просто высохли от пылегазовых выбросов (тысячи тонн в год).

Об ущербе, который принесет Байкалу промышленное освоение, десятилетиями писал и говорил весь мир. Еще в период строительства комбината подсчитано, что только ежедневная очистка великого озера обойдется в полтора-два миллиона неденоминированных (периода 60—70-х годов) рублей. Ежегодные расходы выльются, стало быть, примерно в 700 миллионов. Кроме того, байкальский корд для скоростной авиации, ради которого и возводился в нарушение закона комбинат, себя не оправдал, оказался намного хуже синтетического волокна. Словом, байкальская целлюлоза, как и сверхчистая вода для скоростной авиации оказались не нужны, пишет Олег Гусев, много лет возглавлявший Байкальскую комиссию Всероссийского общества охраны природы.

Но комбинат успел многое: изуродовать несколько десятков километров красивейшего байкальского лукоморья, загрязнить огромную часть акватории и воздушного бассейна. А еще — уничтожить более полумиллиона гектаров уникальнейших байкальских лесов, тысячи тонн ценнейших видов рыб...

Сигналы бедствия из глубины Байкала, которые четверть века назад услышал писатель Валентин Распутин и воплотил их в выступлениях, книгах и статьях, которые слышали ученые и просто неравнодушные к родному краю люди, похоже, утонули в море чиновничьих бумаг полуторакилометровой байкальской глубины.

* * *

Огромные водноэнергетические ресурсы Сибири, по замыслу первых лиц Страны Советов, нужно было заставить служить людям. Традиционно-советский волонтеризм воплощался в проекты поворота северных рек, промышленного освоения мировой жемчужины — Байкала, сброса производственных стоков БЦБК в Иркут (строительство трубопровода) и тому подобные. Общественность столицы Приангарья не один десяток часов провела на митингах и демонстрациях, на защиту родной природы выходили и стар и млад. Новое слово «экология» звучало как набат, предве-

щая неминуемые беды природе страны. Писатель Сергей Залыгин (его первая специальность мелиоратор) сумел тогда убедить реформаторов из правительства: строительство ГЭС на Оби нецелесообразно, оно разрушит экосистему равнинной по своей природе территории края.

Валентин Распутин, выступая на VIII съезде писателей СССР, не скрывал своей тревоги:

«Сколько мы говорили о проблеме поворота рек, сколько пишем, сколько надорвали сердца, не написали поэм, романов и повестей, отдавая время и силы защите родной земли, — никакого толку: нас слушают и делают по-своему».

Сделать «по-своему» все же получалось не всегда, и ненаписанная художественная литература защищала те же сибирские реки так же хорошо, как сказанное или написанное слово. А в книгах Валентина Григорьевича горько звучал неутешительный прогноз для радищевского «мощного края»:

«Живете... Живите как хотите, ежели глянется. Я вам не указ. Мы свое отстрадавали. Только и ты, Андрюшка, помянешь опосле меня, как из сил выбьешься. Куды, скажешь, торопился, че сумел сделать? А то и сумел, что жару-пару подбавлял округ себя. Живите... Она, жисть ваша, ишь какие подати берет. Матеру ей подавай, оголодала она. Одну бы только Матеру?! Схапает, помырчит-пофырчит и ишо сильней того затребует. Опять давай. А куды деться: будете давать. Иначе вам пропаловка. Вы ее из вожжей отпустили, теперь ее не остановишь. Пеняйте на себя».

Написанное ровно тридцать лет назад «Прощание с Матёрой» сегодня в ряду самых свежих российских бестселлеров. А рядом с сгнувшей под водой деревней встают Кеуль, Тушамы, Невон, другие ангарские деревни и села, которые вот-вот накроет водохранилище четвертой в ангарском каскаде Богучанской ГЭС.

Такие «подати» приходится платить сегодня безбрежной человеческой жадности и жестокости.

В середине 50-х прошлого века Иркутская область была большой строительной площадкой. Героическим трудом эзков и комсомольцев-добровольцев возводились тепловые электростанции. ТЭЦ-10, например, предназначалась для обеспечения теплом и электроэнергией Иркутско-Черемховский промышленной зоны, в том числе гиганта советской атомной энергетики — Ангарского электролизного химического комбината.

Несколько мощных ТЭЦ были построены в промышленных городах области: Зиме, Усолье-Сибирском, Братске. Вторая (после Иркутской) ступень Ангарского каскада — Братская ГЭС — эпоха в жизни страны, огромный сгусток судеб, мастерства, ге-

роизма, горя и радости тысяч людей, приехавших на великую стройку социализма в 1954 году.

Газетные строчки тех лет словно фронтовые сводки. Взалеб рассказывают о штурме реки, схватке с Ангарой, боевом крещении механизаторов, отобравших у реки метры-километры пространства, упорном сопротивлении непокорной дочери Байкала.

Война с природой шла действительно не на жизнь, а на смерть — при запредельно низких сибирских температурах, когда не выдерживала, выходила из строя техника, с огромным напряжением человеческих сил.

О строительстве четвертой в Ангарском каскаде Богучанской ГЭС стало известно еще тридцать лет назад. Тогда можно было прочитать или услышать, например, такое:

«Вам, молодым, предстоит принять трудовую эстафету от тех, кто завершает сегодня в Братске свой славный трудовой путь, предстоит освоить новую пионерскую площадку на строительстве Богучанской ГЭС. Вам будет трудно, но легче, чем сегодняшним ветеранам ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции Братскгэсстроя. В тылу у вас Братск, рядом — герои, дважды покоровшие Ангару».

Людам, которые живут сегодня в районе строящейся БоГЭС, действительно трудно. Но речь не о тех, кто ударно, за очень немалые деньги вкалывает на очередной стройке века. Большие трудности, очень серьезные проблемы начнутся у жителей Усть-Илимского района с пуском Богучанской. Собственно, они начались уже давно.

* * *

Дорога от Усть-Илимска до Кеуля напоминает гигантские качели, чередуя почти равномерно подъемы и спуски. Плотная стена хвойных деревьев по обеим сторонам трассы, небольшие лесные речушки — вот и все приметы сурового таежного пейзажа.

Бывалые люди, впрочем, расскажут немало историй из жизни здешнего зверья — зайцев, медведей, волков, рысей, росомах, сохатых, которые все чаще выходят из леса к людям. Лесные пожары и нещадные вырубки (пилы и топоры слышны здесь повсюду, груженные лесом КАМАЗы день и ночь мелькают на усть-илимской трассе) заставляют таежных обитателей искать пропитание в деревнях. Хищники покрупнее нападают на домашний скот, могут и человека задрать; разная птичья мелочь — кедровки, сойки, рябчики подчистую убирают урожай ягод в огородах и садовых яблочек-ранеток.

Старинное сибирское село Кеуль, построенное на естественном возвышении, видно издалека, за несколько километров до

него тайга уступает место равнине. Здесь, на севере Иркутской области, примыкающей к Красноярскому краю, издавна жили тунгусы, буряты, якуты. К концу XVII века эти вольные сибирские земли облюбовали казаки, которых историк Николай Костомаров называл сибирскими землеустроителями.

«Высланный в 1629 году из Енисейска сотник Бекетов проплыл по реке Тунгуске и Илимю и дошел до бурят. Тогда распространились слухи о многочисленности, силе и богатстве народа бурятского, которого русские называли братским. В 1631 году атаман Перфильев построил Братский острог на Ангаре», — пишет ученый в своей знаменитой «Русской истории».

Кеуль, Едарма, Невон — этим сибирским селам Усть-Илимского района не менее 300 лет, считают современные историки. Коренное население в основном кочевники, приходили когда-то в эти места на зимовку.

Здесь они охотились, пасли оленей, обустроивали быт.

Потомки сибирских землеустроителей обживали Приангарье. К середине минувшего века в традиционно ссыльном краю появились приметы нового времени — колхозы.

Из сел и деревень Шестаковского, Илимского, Корабельниковского и других сельсоветов уходили на Великую Отечественную тысячи молодых солдат, возвращались домой единицы.

В середине 50-х на Ангаре зазвучали непривычные слова: гидростанция, Братскгэсстрой, турбины, оборудование, плотина. Газеты, радио, позже телевидение трубили о подвигах людей на Ангаре, партия и правительство награждали героев, не скупясь на звания, премии, ордена, медали. Высокие правительственные чиновники любили фотографироваться на этом великом и героическом фоне. Здесь по-сибирски широко и радушно встречали гостей, и они съезжались на строящиеся ангарские ГЭС со всего мира: главы государств и правительств, писатели, журналисты, политики — перечень имен занял бы не одну страницу текста.

Великая роль Сибири в летописях мира, которую предвидел Радищев 300 лет назад, пришлась, похоже, на вторую половину минувшего века.

Ангарский каскад гидроэлектростанций (Иркутская, Братская и Усть-Илимская ГЭС), построенных к началу 80-х, стал солидной базой для развития промышленности края. Иркутский и Братский алюминиевые заводы, Усть-Илимский лесоперерабатывающий комплекс, десятки других предприятий химической, целлюлозно-бумажной, нефтеперерабатывающей промышленности до неузнаваемости изменили когда-то богатейшие и красивейшие места.

Старинный Кеуль четверть века назад обрел, что называется, второе дыхание. Здесь селили десятки людей, чьи деревни —

Старый Кеуль, Едарма и Ката попали под затопление после пуска Усть-Илимской ГЭС. Сейчас трудно сказать, почему высокое начальство выбрало для переселения именно Кеуль. Когда-то здесь жили в основном ссыльные, освободившиеся из мест заключения люди. Место считалось плохим, болотистым, гиблым (кеуль еще называли елань). Здесь и раньше было немного здоровых людей, а в период расцвета промышленности, пуска местного ЛПК медики фиксируют букет всевозможных диагнозов.

Заведующая местной амбулаторией Валентина Владиславовна Анкудинова рассказывает, что только за последние пять лет в Кеуле стабильно растет число больных детей и взрослых. Ребятишек становится меньше, рождаемость падает, а на учете по заболеваниям их все больше и больше. Много кеульчан с болезнями органов пищеварения (камни в мочевом пузыре обнаруживают даже у детей) и дыхания (астмы, бронхиты, ларингоспазмы и т.д.). Еще лет 10—15 назад здесь не знали ни заболеваний крови (анемия), ни эндокринной системы. Сегодня они тоже на одном из первых мест, немало жителей села прооперировано в Иркутском онкодиспансере — резкое увеличение щитовидки.

Взрослых косит онкология: за последние 18 лет от рака умерло около ста человек, и эти показатели не уменьшаются. Причем чаще уходят из жизни молодые, 30—40-летние кеульчане. За минувшие 9 месяцев здесь умерло 20 человек, родилось 6 — уникальный показатель.

У детей всплеск болезней костно-мышечной системы, все чаще наблюдаются врожденные вывихи бедра, косолапость — аномалии в развитии плода, совсем маленьких ребятишек приходится оперировать. Серьезные научные исследования воды и воздуха здесь не проводились — нет средств, но в Кеуле вам любой скажет: вода тут отвратительная. Настолько, что ею даже не всякое белье выстираешь.

Бледно-желтая, с землисто-железным запахом вода из скважины, которой пользуются кеульчане, при нагревании темнеет. И дает невероятно плотный светло-коричневый осадок внутри чайников и кастрюль, который не отскоблить и не вывести никакими моющими средствами. Кто может, возит воду из родничка (примерно сто метров от села, на берегу Ангары). Остальные пьют ту, что из скважины. Со всеми вытекающими последствиями.

В старинном Кеуле сегодня происходит немало «чудес», которые местные жители связывают с деятельностью Усть-Илимского ЛПК. Прошел, к примеру, летний дождичек — листья на картошке, деревьях и цветах почернели и опали. Почернели только там, где прошла полоса дождя. А на земле, которую он не захватил, все оста-

лось расти и цвести по-прежнему. В прошлом году, рассказывали кеульчане, после одного такого дождика почернели и опали не только листья — ветки на большом кусте ирги. Нынешней весной он так и не ожил, так и стоит — кривой и голый.

В здешних когда-то очень красивых и чистых краях теперь страдают не только люди — зверье, рыба. Пожилые кеульчане рассказывают, что молодежь сегодня не знает вкуса ни хариуса, ни сига, хотя когда-то их таскали ведрами с любого берега Ангары.

— Я раньше с реки не сходила, так любила рыбалку, — вспоминает Зоя Васильевна Хайми. — Мужа убили, ребятишки маленькие без отца остались, и река нас часто от голода спасала. Вернусь к вечеру с уловом и зову их: идите рыбу пороть! Они в слезы: как ты надоела со своей рыбой. Придет время, говорили тогда старики, мокчену (пескарю то есть) обрадуетесь, но и его не будет. Так и вышло.

Ценных пород — стерляди, осетра, тайменя — давно нет, пропадают и хариус, сорога, щука, окунь. Рыбешку, которую повезет поймать, есть нельзя, на чешуе видны язвы, а кое-где и чешуек нет, печень разлагается, внутренности испорчены.

Ездим рыбачить километров за пятьдесят, до Едармы, говорят в Кеуле, Ангара — мертвая река. Хотя сейчас еще какое-то течение есть, а заработает Богучанская — вода остановится и превратится в болото. Это и приезжие москвичи с «Эколайна» подтвердили: забудьте о рыбалке, пустим ГЭС — никакой рыбы у вас не будет.

Нынешнюю катастрофу в рыбьем царстве люди напрямую связывают с деятельностью местного промышленного гиганта, Усть-Илимского ЛПК. Река всегда была нашей кормилицей, рыбачили все — и мужики, и бабы, и млад и стар, рассказывают кеульчане, никогда без улова не возвращались. До тех пор, пока не пустили ЛПК. С тех пор сбросы в Ангару идут чуть ли не ежедневно. Возле Кеуля, со взгорка, их особенно хорошо видно: поток застывших желтовато-белых хлопьев ползет вниз по реке. Мне «повезло» не только увидеть, но и сфотографировать это — на доброй половине двухкилометровой ангарской шири медленно двигался смертоносный грязно-белый шлейф.

Выбросы в реку уже три дня подряд идут — наверное, очистные давно переполнились, строят догадки кеульчане. И едут за водой к дальнему роднику.

Нынешней осенью в Усть-Илимском районе побывали представители РАО ЕЭС, одного из главных заказчиков БоГЭС, и точной аппаратурой промерили точки будущего затопления. У берегов Ангары, к примеру, в ста метрах от Кеуля — 202-я отметка, та же и на краю села, улице Строительной, где живут десятки

людей. Дома просторные, добротные, с гаражами, хозпостройками, огородами. Такого типа дома преобладают на всей территории Кеуля — бывший совхоз не скупился на строительство жилья для рабочих и специалистов. Равнинные места, уходящие к Ангаре, кеульчане давно используют для хозяйственных нужд.

— Здесь люди пасут скот, около ста гектаров отведено под выпас, — говорит глава Кеульского МО Николай Штанько. — А возле села — картофельные поля, тоже около ста гектаров. И все это богатство уйдет под воду!

202-я отметка означает, что будущее водохранилище вплотную подойдет к этим домам-огородам и — такое тоже не исключено — может залить их: строят Богучанскую под наивысшую, 208-ю отметку.

Кеуль следует отнести к затопливаемой, а не к попадающей под воздействие водохранилища территории, убежден Николай Алексеевич.

— Смотрите: с одной стороны у нас будет водохранилище, с другой — сплошное болото. На суше окажутся только жилые постройки, и неизвестно еще, сколько этой суши останется. Под воду уйдут все выпасы, огороды, тайга, дорога. Жить на таком острове люди не смогут, да и не захотят.

Тридцать лет назад завершилось строительство Усть-Илимской ГЭС, 45 лет прошло со дня пуска первого агрегата (28 ноября 1961 года) Братской ГЭС. Миллиарды еще неденоминированных рублей, сотни миллиардов киловатт-часов, миллионы тонн целлюлозы, пиломатериалов — масштаб цифр и дел Страны Советов видится отсюда, из декабря 2006-го несколько под иным углом. Что получили простые граждане страны, те десятки, сотни тысяч людей, отдавших стройкам века силы, молодость, здоровье, знания, мастерство? В лучшем случае квартиру да небольшие сбережения на старость. Никаких льгот, к примеру, по оплате тепла, света, газа и прочих даров природы, с которой они так самоотверженно сражались, у этих людей нет.

Что потеряли — здесь, в Иркутской области особенно хорошо видно: нормальные, соответствующие природе человека условия жизни, воду, воздух, землю, лес и так далее.

Масштаб потерь вряд ли можно подсчитать даже приблизительно, нещадная эксплуатация биосферы неминуемо ведет к ее деградации. Страна Советов брала в долг у будущих поколений, похоже, без отдачи, посадив нас в долговую яму навечно.

На примере строительства БoГЭС видно также и то, что в нашем государстве на первом месте интересы крупных монополий: Газпрома, ЛУКОЙЛа, РАО «ЕЭС» и других. Обслуживая их

корпоративные интересы, государство не заботится о социальной составляющей собственной политики. К примеру, указ № 867 от 17 мая 2000 года об упразднении Госкомэкологии, Федеральной службы леса и Государственного комитета по земельной политике. Чьим интересам он служит — общества или монополий? Ответ не нуждается в комментариях, считает доктор геолого-минералогических наук Валерий Зубаков (Санкт-Петербург).

В ликвидации системы государственного экологического контроля российское правительство давно обогнало развитые капиталистические страны.

Такие всходы дали семена, посеянные полвека назад.

Российский сегмент транснационального капитала, российский финансовый тоталитаризм, выступая под вуалью западной демократии, предельно жесток и бесчеловечен. Ориентированные на глобальный рынок, наши естественные монополии создают лишь видимость заботы о людях, в ситуации с БоГЭС, к примеру, намерение их просматривается достаточно четко: минуя интересы нашей области, практически не заботясь ни о последствиях пуска БоГЭС под наивысшую отметку, ни о неизбежности экологической катастрофы, взять от природы края по максимуму.

Четвертая в Ангарском каскаде гидроэлектростанция строится к тому же в абсолютно ином информационном режиме, чем три предшествующие. Оно и понятно: всякие там стихи да песни здесь не нужны, здесь другой расклад. Миллиардные инвестиции, частный капитал, иностранные банки, ожидаемые сверхдоходы не нуждаются в популистском пиаре. Решение принято, процесс пошел и успел зайти так далеко, что его уже не остановить. Представители РУСАЛа и ЦЭО «Эколайн», посетившие в минувшем сентябре Усть-Илимск, всего лишь поставили народ в известность, проинформировали, довели до сведения, так сказать: плотина БоГЭС строится под наивысшую, 208-ю отметку. Иных вариантов нет и быть не может. Пуск первой очереди состоится через два года.

Надо отдать должное народу: он не проглотил молча очередную московскую инициативу, потому что он уже не «пипл», он уже почти гражданское общество. Устьилимчане объединились на удивление быстро и уже немало сделали для спасения своего края.

Тем временем жители старинного сибирского села Кеуль, без малого полторы тысячи человек, выдвигают свои требования, адресуя их губернатору области Тишанину, председателю Заксобрания Круглову, депутату Госдумы Шубе, председателю Усть-Илимской думы Сергейчуку, а также в московский центр экологической оценки «Эколайн».

«На основе сделанных 27 сентября специалистами ГидроОГК замеров, мы поняли, что строительство Богучанской ГЭС наби-

рает обороты, строительство плотины будет закончено на отметке 208 метров, — пишут кеульчане. — После наполнения водохранилища по данной отметке будет создана такая экологическая обстановка, при которой шансов на выживание у нас не будет...

Дорога до Усть-Илимска частично уйдет под воду. Электрокотельная и подстанция, подающие тепло и электричество в село, будут также затоплены, они находятся на отметках 203—205 метров. В итоге только застроенная часть села останется на островке суши, подполья и погреба просто затопит. Налицо ограничение жизненного пространства, климатический и экологический дискомфорт, угроза жизни и здоровью людей.

В селе отсутствует питьевая вода. Артезианские скважины поставляют воду только для технических нужд. Для приготовления пищи население использует воду из местных родников и ручьев, которые тоже будут затоплены при наполнении водохранилища...

Отсутствие каких-либо производств, способных обеспечить население работой, привело к массовой безработице. Единственно предприятие — совхоз «Кеульский» давно банкрот, его производственные помещения разобраны и вывезены в город.

Часть населения живет за счет доходов от рыбной ловли. После заполнения водохранилища на отметке 208 метров рыба исчезнет, и люди потеряют последнее средство для пропитания своих семей.

Необходимо признать факт попадания Кеуля в зону затопления, а не в зону воздействия водохранилища, как это представлено нам, — требуют жители старинного сибирского села. — Нужно принять решение о переселении людей в благоприятные регионы, обеспечив рабочими местами и нормальным жильем согласно законам Российской Федерации.

Учитывая, что большинство проработало на Севере по 20—30 и более лет, предлагаем задействовать средства федеральной программы по переселению жителей Севера».

Обращение подписали все без исключения кеульчане.

Окончательным убийством Ангары назвал предстоящее затопление в Усть-Илимском районе Валентин Распутин. Откликнувшись на просьбу прокомментировать ситуацию со строительством БогЭС, писатель сказал:

— Дальнейшее развитие событий здесь легко просматривается — финал, окончательное убийство Ангары. Недавно президент говорил, что нужно строить электростанции, что поставлена такая задача. Значит, Ангара доживает последние дни.

Еще лет 30—40 назад, когда строились первые ГЭС на Ангаре, было ясно, что это преступление. Это убийство земли, а выгоды, на которые при этом рассчитывают, временные.

Посмотрите на Братскую ГЭС, про которую говорили как о каком-то чуде. Само сооружение действительно чудесно — плотина, машинный зал. Удивительно, как человек, с той не очень совершенной техникой, мог построить такое. Электричества производим много, но как оно расходуется? Ведь ЛЭП протянули мимо ангарских деревень, где люди до сих пор сидят без света.

Строят Богучанскую ГЭС, алюминиевый завод. Хватит денег — и два завода построят. Этот алюминий пойдет, разумеется, за границу, никто этого и не скрывает — в развитые восточные страны, еще куда-нибудь. А наш брат крестьянин останется опять-таки ни с чем.

Я начал о Братской ГЭС, продолжу мысль. Ангара — великая река, кормила тысячи людей. Стояли колхозы какие-никакие, но землю они все же обрабатывали. Ругали леспромхозы, но порядок там все-таки был, это потом бардак настал и все растащили. И вот наконец пришла очередь воды. Нет ничего дороже для человека, чем земля и вода. Где бы мы ни родились и ни выросли, мы приходим из того и от того, что дает нам родная вода и земля. Во всем — в облике, речи, привычках и так далее. Любовь к песне, стиху, душа наша — все от нашей земли.

Человек, который любил свою землю, берег ее, защищал, работал на ней, был нравственно крепким, чистым. Сейчас все другое. У человека отняли землю, теперь отнимают и воду. Что получили ангарские деревни, жители этих деревень от гигантских строек, если даже ЛЭП протянули мимо них? Что получили тысячи людей, строившие Братскую и Усть-Илимскую ГЭС?

Деревни по Ангаре — утопленники, там давно их так называли. Моя родная деревня, как ни пытаемся мы ее спасти, тоже обречена, люди уезжают семьями. Нет работы, нет дороги. Летом еще «Метеор» ходит — а потом уже все. Главное, пенсионерам, которые живут в лесу, в тайге, нечем топить.

Дрова стоят огромных денег, которых у стариков, конечно, нет. Страшно было смотреть, как туда, в деревню, пригнали баржу с лесом из-под Иркутска и кубометр продавали чуть ли не за 500 рублей. Вот и смотрят люди: если кто-нибудь уезжает, его избу сразу на дрова, топить.

Погубили землю, погубили воду, сейчас осталось немного леса, через очень короткое время вырубят и эти жалкие остатки. Рыбу ловить и есть нельзя — она отравлена. Воду пить тоже нельзя, для питья она не годится. Все, что когда-то было Ангарой и красивейшими местами вокруг нее, отравлено, погублено, уничтожено. И то, что стало погубленным, оказалось губительным для человека: природа убивает людей, это месть за то, что мы, люди, с ней сделали.

Строительство Богучанской ГЭС — преступление, но его уже не остановить.

— В Усть-Илимске и районе люди не сидят сложа руки. Они объединяются, пишут письма высоким правительственным чиновникам, они не хотят быть заложниками политики центра.

— Это нормальное проявление гражданской позиции людей, это хорошо. Ее, гражданской позиции, у нас не так уж и много. Но я не верю, что эти люди смогут добиться полного результата. Хотя в этой ситуации сама борьба приобретает огромный смысл, и если у людей есть для этого силы, они смогут сделать немало.

В Москве откровенно говорят о том, что не знают, как поступить с Восточной Сибирью. Об этом шла речь на недавнем форуме в Иркутске. Похоже, что нас собираются передать каким-то государствам: продают карту наших полезных ископаемых, чтобы те знали, где и что у нас добывать. Это не сказки, это точно. Тысячи китайцев переходят сюда, селятся, работают, обживаются. В Благовещенске уже не знают, куда от них деваться. Перспективы очень безрадостные.

— Ваша «Матера» точно предсказала нынешнюю ситуацию в стране, хотя и вышла ровно тридцать лет назад. Эта книга — мужественный поступок.

— Мужества особого не вижу: написал то, что увидел в той жизни. Я был моложе, сильнее, и мне казалось, что мир можно изменить к лучшему. Теперь я постарел, сил поубавилось. А те, кто ведет сегодня мир к такому финалу, — у них сил много.

Игры в справедливость, разговоры о правах человека... Какие права человека — здесь людей с родной земли, с родных могил гонят!

— В Усть-Илимске, Невоне и Кеуле попадают под затопление сотни домов. Не развалюх, а добротных, брусовых, кирпичных, с гаражами, хозпостройками, садами и огородами, современными электростанциями, ЛЭП и так далее. Люди брали кредиты, обустроивались, крепко вросли в эту землю — и вот..

— В тех краях люди всегда были более укорененные, умелые, более добрые. Каждый человек — как хорошее раскидистое дерево. Теперь все это уничтожают.

Недавно инициативная группа из Усть-Илимска — депутаты городской и районной дум, представители общественности, студенты местных вузов — посетили столицу Приангарья. Они провели здесь первую выездную акцию в защиту родного края — «Ангара-185».

У здания областной администрации группа людей в ярко-голубых накидках, с флажками, плакатами и прочими митин-

говыми атрибутами сразу собрала небольшую аудиторию, в основном представителей иркутских СМИ и молодежь.

— Мы намерены самым серьезным образом отстаивать экологическое благополучие своего края,— говорили устьилимцы.— Строительство Богучанской ГЭС на 208-й отметке не оставит Ангаре, а значит и всей окружающей природе, никаких шансов на выживание.

— Юристы РАО «ЕЭС» уверяют: экологическая экспертиза БоГЭС была проведена еще в 80-х годах, закон обратной силы не имеет, следовательно, нет необходимости проводить ее еще раз,— отметил председатель усть-илимской районной думы Василий Михайлович Сергейчук. — Но никто не видел этих документов четвертьвековой давности, и общественность района настаивает на современной государственной экспертизе последствий строительства БоГЭС.

Выступления гостей дополняли многочисленные лозунги: «Сохраним Ангару — дочь Байкала!», «Губернатор, поддержите устьилимцев!», «РУСАЛ и РАО «ЕЭС России», убивая природу, вы убиваете нас!»

В случае, если БоГЭС будет построена на отметке 208 метров, Богучанское водохранилище разольется от Кодинска до створа Усть-Илимской ГЭС. Под водой окажутся тысячи гектаров сельскохозяйственных земель, миллионы кубометров леса, десятки месторождений полезных ископаемых. Погибнут старинные ангарские села, будет затоплена часть улиц Усть-Илимска, Невона и Кеуля. Единственная дочь Байкала Ангара лишится свободного течения и, соответственно, возможности самоочищаться. И это при том, что сбросы всех промышленных предприятий области от Иркутска до Усть-Илимска много лет подряд идут напрямик в Ангару.

Обращаясь ко всем жителям области, участники акции говорили: «Поддержите нас, уважаемые земляки! Борьба за экологическое благополучие — это борьба за возможность нам и нашим детям жить на прекрасной сибирской земле, не отравленной гниющими рукотворными морями».

Первая акция устьилимцев в Иркутске свидетельствует: волна протеста набирает силу. Люди не хотят быть заложниками политики центра, их объединила общая беда — именно так, в предчувствии неминуемой катастрофы, и происходит у нас в России становление гражданского общества.